

— На самом деле, учитывая возможности семьи моей матери, разрешение императора на моё участие в государственных делах — лишь вопрос времени. Дядя, не нужно так торопиться. Я прекрасно понимаю, что могу полагаться только на семью матери. Но отец... он всё же отец.

В глазах наследного принца застыла глубокая печаль, словно ему было больно.

— Ваше Высочество, Императрица, вероятно, просто говорила сгоряча, она не хотела вас обидеть.

— Но я перечил матери.

— Ваше Высочество, сердце матери и сына связаны. Императрица точно не держит на вас зла.

— Правда?

Глаза принца наполнились грустью, казалось, он вот-вот заплачет.

— Конечно, правда.

Ин-эр с нежностью в голосе положила руку на руку принца.

Принц сжал её руку в ответ и улыбнулся.

Затем он отпустил её руку и мягко сказал:

— Давай поужинаем. Ты почти ничего не ела.

— Хорошо.

Ин-эр послушно взяла палочки для еды.

После ужина принц посмотрел на Ин-эр:

— Иди отдыхать, не беспокойся обо мне, ложись пораньше.

— Хорошо, я удаляюсь.

Когда Ин-эр ушла, Тан Цзиньюй обменялся взглядом с Юаньбао, который тут же удалился.

Тан Цзиньюй направился к Тан Му.

Как и ожидалось, Тан Му только что закончил ужин. Увидев Тан Цзиньюя, он улыбнулся:

— О, вот и актёр прибыл.

— Что значит «актёр»?

— Самый лучший в актёрском мастерстве.

Тан Цзиньюй нахмурился:

— Актёр? Какой актёр?

— Эээ... что-то вроде того.

Показалось, что сравнение было не совсем удачным.

Тан Цзиньюй покачал головой:

— Только ты смеешь сравнивать меня с актёром.

— Хе-хе-хе, я же хвалю тебя.

Тан Цзиньюй вдруг вспомнил управляющего из Сюйцзи, который то был серьёзным, то кокетливым, и понял, почему тот любил театр. Видимо, он наслаждался тем, как погружался в роль, сливаясь с персонажем.

— Ваше Высочество.

Юаньбао поклонился снаружи.

— Заходи, говори.

— Слушаюсь. Ваше Высочество, господин. Я послал людей следить за Ин-эр. Как и ожидалось, она сразу же отправила человека с письмом. Вероятно, это сообщение для Императрицы.

Тан Му толкнул Тан Цзиньюя локтем:

— Отлично сыграно, эффект потрясающий.

Тан Цзиньюй ответил тем же:

— Ну что ты. Это твоя заслуга. Как говорится...

— «В открытой войне укрепляй переправы, а тайно переходи через Чэньцан».

Тан Му самодовольно покачал головой.

Принц с нежностью смотрел на него.

Юаньбао промолчал.

Тан Цзиньюй повернулся к Юаньбао:

— Юаньбао, если Императрица начнёт тебя допрашивать, будь готов, не допусти ошибок.

— Слушаюсь, я всё понимаю.

— Хорошо, можешь идти.

— Удаляюсь.

Юаньбао вышел, но Тан Цзиньюй остался в комнате Тан Му.

Тан Му посмотрел на принца, всё ещё находящегося в его комнате:

— Почему ты ещё не ушёл отдыхать?

— Что, выгоняешь меня?

Тан Цзинъюй подшутил.

— Как я посмею, Ваше Высочество.

— Ну тогда я эту ночь здесь и отдохну.

С этими словами он лёг на кровать Тан Му.

Тан Му потянул его:

— Эй, не шути, иди спать. Завтра ранний урок.

— Му-эр, дай мне немного полежать.

Внезапно игривость исчезла с лица принца, он стал серьёзным, даже с ноткой мольбы.

—

Тан Му посмотрел на Тан Цзинъюя. Когда этот ребёнок научился изображать жалость?

— Иди спать!

Тан Цзинъюй надулся. Видимо, его актёрские навыки ещё не на высоте. Управляющий был прав, нужно больше практиковаться.

Принц не сдавался:

— Сегодня мать отругала меня, раньше такого никогда не было.

У Тан Му дернулся глаз. Что, ты ищешь утешения? Ты только что вернулся после игры с той женщиной, и ты так хорошо сыграл, так радовался. Это не похоже на состояние человека, которому больно! Хотя это была моя идея — намеренно позволить Ин-эр передать сообщение, чтобы успокоить Императрицу, но ты слишком увлёкся! Ты так долго ужинал с ней...

Несмотря на внутреннее недовольство, Тан Му был рад, что Тан Цзинъюй остался. Хотя он и не хотел это показывать.

— Му-эр...

Тан Цзинъюй продолжал настаивать.

— Ладно, позволю тебе полежать немного...

— Хорошо.

Они лежали рядом в тишине, пока Тан Цзинъюй не заговорил первым:

— Му-эр, отец намекал мне.

На самом деле принц хотел сказать что-то другое, но не знал, с чего начать, и заговорил о делах.

Эта женщина испортила настроение. Принц был расстроен.

— О чём он намекнул?

— Отец не против моего общения с управляющим. Видимо, он считает его талантливым человеком. Отец косвенно разрешает мне развивать свои силы, но явно не те, что связаны с дядей.

— Да, Император предпочитает, чтобы ты общался с людьми из мира, а не слишком сближался с семьёй Цзян.

— Да... Иногда я чувствую себя травинкой, не имеющей никакой ценности, просто пешкой.

Выражение лица Тан Цзиньюя стало печальным.

Тан Му повернулся и поспешил утешить его:

— Ты не замечаешь, насколько ты важен?

— Что?

Тан Цзиньюй не понял.

— Смотри, семья Цзян заигрывает с тобой, потому что видит в тебе свою надежду. Император осторожен с тобой, потому что ты — последняя соломинка, которая может сломать верблюда.

— Первую часть я понял, а что значит «соломинка, которая может сломать верблюда»? Это животное с Запада?

— Да, верблюды огромные, у них два горба на спине, в которых они хранят воду, и...

Тан Му вспомнил, как в прошлой жизни он впервые увидел верблюда во время путешествия и долго смеялся, глядя на его горбы, пока верблюд не плюнул в него.

— ...Я имел в виду, что значит «соломинка, которая может сломать верблюда»?

— Смотри, сейчас ты — точка равновесия между Императором и семьёй Цзян. Если ты склонишься в одну сторону, ситуация изменится. То есть верблюду несёт на себе тяжёлый груз, и он уже на пределе, а ты...

— Как соломинка, которая, несмотря на малый вес, может его сломать.

— Умница!

— Му-эр, это ты умный.

— Эх, хе-хе-хе, я просто случайно стою на плечах мудрецов.

—

Тан Цзиньюй решил, что лучше не продолжать. Он не понимал всего, что говорил Тан Му, но знал, как скрыть своё невежество.

Тан Му продолжил:

— Если ты сейчас склонишься на сторону Императрицы, Император обязательно проведёт крупную чистку, чтобы устранить угрозу. Тогда начнётся борьба между императорской властью и семьёй Цзян. Победитель получит всё, проигравший — ничего. Независимо от

результата, Император не избежит обвинений в убийстве жены. Поэтому... сейчас именно Император больше всего боится, что ты слушаешь семью Цзян.

Тан Му перевернулся на бок и посмотрел на Тан Цзиньюя:

— Скажи, разве ты не важная соломинка?

Тан Цзиньюй повернулся и посмотрел на Тан Му. Через мгновение он тоже повернулся на бок, и они оказались лицом к лицу.

— Важная, конечно важная.

Их взгляды встретились, казалось, они заглянули друг другу в самые глубины души, но при этом что-то оставалось невысказанным, непонятым, неразгаданным.

Тан Цзиньюй чувствовал нежность Тан Му. Этот ребёнок всегда замечал его подавленное настроение и утешал его, хотя иногда его слова были не совсем точны, но они действительно приносили утешение.

Но управляющий говорил, что те, кто беспокоится о тебе, иногда могут пострадать из-за тебя. Поэтому скрывать свои чувства перед важными людьми — это тоже своего рода защита.

Тан Му почувствовал, что в его сознании мелькнула какая-то иллюзия. На мгновение он увидел себя в глазах принца, только себя, словно в его сердце тоже был только он.

«Ха-ха, не говори мне, что принц тоже испытывает ко мне какие-то чувства. Принц ещё молод, да и я тем более. Принц ведь не может быть педофилом...»

Тан Му снова и снова отрицал это.

Но в его сердце бушевали эмоции, не давая покоя.

Они были слишком близко. Раньше они не были так близки, но теперь, когда они обсудили многие вещи, они стали не только господином и слугой, но и союзниками. Это чувство «одна радость на всех, одна беда на всех» было приятным, завораживающим и вызывало привыкание.

Поэтому нынешняя близость была не только физической, но и душевной. Тан Му и Тан Цзиньюй понимали, что они — опора друг для друга.

Может быть, Тан Му был рядом с одиноким и беспомощным принцем, а Тан Цзиньюй пробудил замёрзшее сердце бывшего главаря мафии.

У меня сейчас две работы в процессе, и одна из них, «Сосед по парте», из-за моего графика может выходить медленнее. Не переживайте, я не заброшу её.

<http://bllate.org/book/16654/1525932>